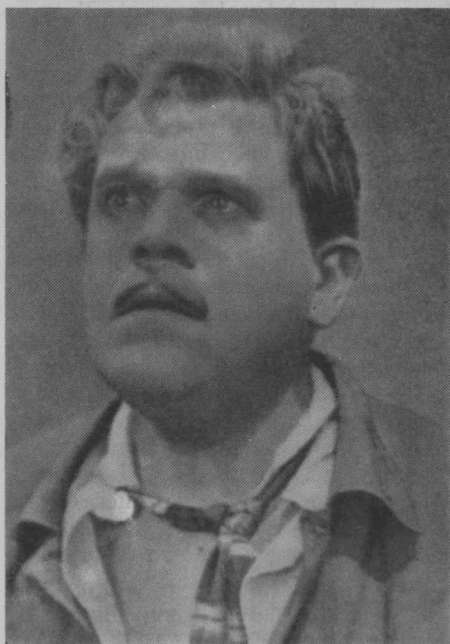

интимной, льющейся прямо в сердце зрителя»*. И актеры добились этого, так как играли в маленьком помещении, без рампы. В большом же зале эти тонкости игры неизбежно пропадали: «...Актерам приходится повышать и напрягать голос и по-театральному подчеркивать игру»**. «Естественная декорация» диктовала новые приемы исполнения, к которому и стремились актеры МХТ на сцене, но которое было связано с неизбежными трудностями. Обстановка реальной усадьбы «Месяца в деревне» подсказывала иной тон, иную степень простоты и интимности игры. И все это требовало уже не теат-

«Человек родился» (1928).
И. Москвин — Кузугин

рального зрительного зала и сцены, а кинокамеры... Константин Сергеевич постоянно искал пути к сохранению первозданности ощущения исполнителем роли, продлению ее жизни в той свежести и непосредственности, какие бывают в начале работы. Он признавал существенные преимущества экрана, который может фиксировать игру исполнителя тогда, «когда роль свежа и у актера в роли переживание еще не успело перейти в ремесло»***.

«Современные синемаграфические актеры научат настоящих актеров, как жить,— пишет К. Станиславский в 1913 году.— На экране все видно и всякий штамп навсегда припечатан — тут всего яснее разница между старым и новым искусством.

Хотите видеть разницу между искусством представления и искусством переживания — идите в синемаграф»****.

Как бы мгновенным отзвуком на эти мысли прозвучали слова кинематографиста Н. Туркина. Полемизуя по поводу игры Л. Кореньевой с рецензентом фильма Е. Бауэра «Кумиры», который писал, что актриса «не изображает чувства, а переживает их, как на подлинной сцене подлинного театра»*****, Туркин заметил:

* К. С. Станиславский. Собр. соч. в восьми томах, т. 1. М., «Искусство», 1954, стр. 354.

** Там же.

*** Там же.

**** Сб. «Вопросы киноискусства». Выпуск 6. М., изд-во АН СССР, 1962, стр. 283—284.

***** «Вестник кинематографии», 1915, № 110/8, стр. 34.